

Снова в Москве

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, в Вашей книге "Пристрастие" есть фраза об отъезде с Урала в Москву: "Как я оттуда уезжал, какие при этом были случайности, это отдельная, очень длинная и совершенно фантастическая история"...

Борис Викторович Раушенбах: Когда я говорил "фантастическая история", то имел в виду, что там был целый ряд бюрократических случайностей.

Началось с того, что когда Келдыш просил НКВД, чтобы меня отпустили и направили в его институт, то люди, которые этим занимались, так хвалили меня в своих письмах, – мол, без меня вообще жизнь на земле прекратится, – что в НКВД решили: "А на кой черт нам такого человека кому-то отдавать? Мы его (*смеется*) себе возьмем!" И они решили оставить меня в системе НКВД.

У них в Рыбинске на моторостроительном заводе было конструкторское бюро из заключенных. Было решено направить меня в Рыбинск, где я должен был работать вместе с ними, но как вольный. А Рыбинск в 1946 году переименовали в Щербаков, и в Тагил пришло сообщение о том, чтобы меня направить в город Щербаков.

Ни я, ни оперуполномоченный не знали, что такое Щербаков, – его только что переименовали. Мы с ним перепробовали все, что возможно. Я ходил на железнодорожную станцию в Тагиле: "Дайте билет до Щербакова!" – "Называйте не город, а станцию!" А я не знаю станцию. (Если переименовываешь станции, то надо оплатить замену железнодорожных справочников всего мира. Поэтому у нас переименовывали города, а станции оставались со старыми названиями.)

Тогда мы с этим опер-человеком решили: поеду-ка я в Москву, в НКВД. Те-то знают, где Щербаков, раз они (*смеется*) меня туда направляют. Одно слово – комедия!

Я получил направление и поехал. Но, приехав в Москву, немножко словчил и не пошел в НКВД. Пошел на работу и доложил там в 1-м отделе: вот, меня забирают, куда-то направляют. Те меня схватили: "Никуда мы тебя не отпустим!" Началась очень смешная бюрократическая история, которая окончилась в общем-то удачно: мне удалось в конце концов остаться в Москве.

Бернгардт: А Вера Михайловна к тому времени тоже вернулась в Москву?

Вера Михайловна Раушенбах: Когда мы были в эвакуации, мне надо было где-то работать. Приятель Бориса Викторовича работал у генерала Виктора Федоровича Болховитинова. Его завод был не в Свердловске, а в 50 км оттуда. Болховитинов взял меня, потому что рассчитывал, что из-за меня, когда все это кончится, он и его получит. Так что я проработала там техником-расчетчиком, а потом, вместе с заводом, вернулась в Москву.

И тут начался цирк. Жить негде, комната занята. Летчик, Герой Советского Союза, занял и ту комнату, где жил Борис Викторович с приятелем, и ту, в которой я жила. В один прекрасный день, когда мне надоело скитаться по чужим людям, я взяла и вошла в свою комнату – у меня же были ключи. На такое (*смеется*) только молодость способна! Как на грех, летчик там оставил свой пистолет. Вызвали милицию. В общем, было целое дело. А потом, когда я, наконец, получила комнату и пришла за своими вещами, он мне их не отдает: "Это вещи врага народа!"

Но одну вещь (*смеется*) я все-таки смогла забрать. Во время переселения присутствовал милиционер. А у нас висел женский портрет, принадлежащий кисти какого-то неизвестного художника. Работа – маленькими цифрами написано – 1908 года. Так получилось, что в молодости я была страшно на него похожа, просто невероятно. Портрет очень хороший, и летчик захотел его себе оставить. И тогда обозленный милиционер, который понял, что меня облапошивают, что у меня все забирают, говорит: "Вы, может, еще скажете, что и этот портрет – не ее?!" Так (*смеется*) портрет и остался у нас.

Бернгардт: Получается, что Борис Викторович женился на племяннице "врага народа", а потом все поменялось местами?

Борис Викторович: Да, это был известный риск. Я говорил своей будущей супруге, что нам еще придется повертеться: "Ты – родственница врага народа, я – немец! Ничего себе коктейль получается!"

Вера Михайловна: В Европе уже шла война, и можно было догадаться... Ничего, русским женщинам это свойственно – ехали в Сибирь за своими мужьями.

Но у меня-то, конечно, биография веселее, чем у него. Он страдал только как немец, а у меня все было сложнее. Отца белые расстреляли, его брата они же повесили перед окнами родителей. Второго брата – дядю Володю (он на корабле был механиком) – офицеры изрубили на куски и бросили в топку.

Поэтому, понимаете, когда у нас сейчас говорят и пишут по поводу красного террора, я просто начинаю свирепеть. Белый-то террор раньше начался, чем красный. Красный террор был ответом на белый.

Если бы Дзержинский дожил до 37-го года, его бы Сталин расстрелял наверняка. Дзержинский много хорошего сделал, он по всей стране собрал беспризорных детей. Сейчас они всюду в подворотнях, а он тогда всех собрал. В городе Славянске, где жили мама с отчимом, было множество детских домов. Вот сейчас моя тетушка приехала из Днепропетровска, она там выросла в детском доме – моя мама была заведующая. Я сама росла вместе с детдомовскими детьми. А они Дзержинского хулят. При чем тут Дзержинский?!

То, что делал Сталин со своей этой сворой, – Ягода, подонок Ежов и так далее, – это совсем другое дело. А вот старые большевики... Возьмите Орджоникидзе. Уж я его хорошо знала, не раз видела в доме. У его супруги три платья было. Они жили все на партмаксимуме. И мой дядя получал партмаксимум, хотя он возглавлял всю промышленность Урала.

Борис Викторович: Было решение (потом его отменили), что член партии, какой бы он пост ни занимал, не может получать больше, чем средняя зарплата рабочего. Это называлось партийный максимум. Если ты не член партии, можешь получать хоть миллион, если член – будь добр, вот тебе средняя зарплата рабочего.

В старых фильмах все ходили в гимнастерках. Это не потому, что коммунистические руководители должны были ходить так, – денег у них не было на костюмы!

Вера Михайловна: Не было! Дзержинский имел пару гимнастерок – и все. И никто не воровал! Вот эту-то всю верхушку Сталин и расстрелял.

Борис Викторович: Слишком они были честные. Они не позволили бы ему сделать то, что он сделал.

Вера Михайловна: Там и разговоров не могло быть о каких-то левых деньгах. Уж какой пост мой дядя занимал! Что, Вы думаете, мы имели свою дачу?! Ничего подобного. Дача была выстроена для треста, и мы там, как большая семья, имели две комнаты. В остальных комнатах жили другие сотрудники. А сейчас грязью всё поливают. Мне кажется, я больше права имею на свое мнение, чем они, потому что много пережила, меня и те, и те, и те пощипали, как только могли.

Бернгардт: Борис Викторович, а как же всякие проблемы с допуском, регистрацией и прочим?

Борис Викторович: Понимаете, допуск давало МГБ, а прописывало МВД. Это разные "конторы", потому меня не прописывали, а допуск (*смеется*) давали.

Бернгардт: Наверное, под чью-то ответственность? Келдыша или...

Борис Викторович: Не думаю. Просто у МГБ была своя линия, они плевали на МВД. Так что у меня была смешная ситуация: допуск есть, а прописки нет. Первое время я жил у жены, и мы прятались, когда ходил участковый. Это была сцена! Я прятался в шкаф (*общий смех*)!

Вера Михайловна: При чем у нас уже было двое детей.

Борис Викторович: Да наш оперуполномоченный и не хотел меня хватать. Ему на все было наплевать, он считал, что это глупость. Но у нас был сосед, редкая сволочь, которому доставляло удовольствие делать людям неприятности. Он приходил и говорил: "А тот опять ночует". И опер, чертыхаясь, шел меня ловить.

Так что у нас были веселые моменты в совместной жизни, есть что вспомнить. А то ведь как? Люди женятся, живут всю жизнь – только чай по утрам пьют, да по вечерам кофе, или наоборот. Разве это жизнь? То ли дело у нас – посидишь...

Бернгардт: Получается, что Вы под спецкомендатурой так и не были?

Борис Викторович: Я фактически бежал из ссылки – меня ведь никто не освобождал. Вместо Рыбинска попал в Москву, а в Рыбинск не явился. Мне одну ссылку заменили на другую, а я между ними сбежал и был беглый ссыльный.

Бернгардт: И если бы кто-то очень захотел, то 20 лет каторги по Указу 48-го года Вам было обеспечено?

Борис Викторович: Да, это точно.

Бернгардт: Так что надо было быть непугливым...

Борис Викторович: А я не из пугливых. Я много раз в жизни пережил такое: случается страшное, невероятное, я страдаю, заливаюсь слезами, не сплю, места не нахожу. Проходит год – и выясняется, что это было единственное спасение. И с тех пор я все эти неприятности принимаю с радостью. Значит, мне повезло, я избежал более крупной неприятности.

Вера Михайловна: Борис Викторович вовремя уехал из Ленинграда, не окончив институт. Сдал все экзамены за институт и, пока они там еще год учились, переехал в Москву. Может быть, его бы там и схватили как немца, но он уже уехал. А здесь его еще никто не знал, никому он не мешал и проскочил.

Борис Викторович: У меня много было таких моментов, когда, сам того не зная, я совершал ловкие маневры...

Дела научные

Эдуард Бернгардт: Борис Викторович, Вы кандидатскую диссертацию успели еще до войны защитить?

Борис Викторович Раушенбах: Не-е-ет.

Вера Михайловна Раушенбах: Я выходила замуж за голодранца!

Борис Викторович: Да, так что это был героический поступок с ее стороны. Я защитился в 49-м. А в 50-м у нас родились дети. Это не то что прямо связано, но происходило почти одновременно. Я защитил диссертацию и породил детей, то есть тоже совершил героическое дело.

Вера Михайловна: Х-м! Герой нашего времени нашелся...

Бернгардт: Причем вы так сразу "дуплетом отстрелялись" и решили, что хватит?

Вера Михайловна: А мне некогда было. Я же археолог, надо было в экспедиции ездить. Пары достаточно, я свою норму выполнила. Когда им было 5 лет, я их уже с собой брала.

Бернгардт: 49-й год... Наверное, был свой закрытый Совет?

Борис Викторович: Конечно. Была секретная диссертация, закрытая защита. Потом докторская в 57-м, тоже закрытая.

Вера Михайловна: Я в то время как раз в больнице лежала и очень удивилась.

Борис Викторович: Да-а, это было здорово. Она лежала в больнице, а я ей ничего не говорил. У нас известное правило в семье: если ей скажешь – все провалится. Много раз проверяли. Вот ей сказали, что я получил премию имени Жуковского. Черта с два! Хотя все было сделано, но я ее не получил. Почему? Потому что ей сказали.

Вера Михайловна: По-моему, эту премию просто отменили.

Борис Викторович: Нет, не отменили, но мне не дали. Хотя формально я получил по документам, но мне ее не выдали.

И документа у меня нет, и, в общем, я бедный и несчастный. Почему? Потому что не дай Бог ей скажешь, и все пойдет прахом. Это уже экспериментально подтверждено. Она, наверно, в прошлой жизни ведьмой была. Наверное, я ошибку сделал, что на ней женился. Но... охмурила, охмурила.

Вера Михайловна (смеется): Кто – кого? Я-то больше пострадала.

Борис Викторович: Это она делает вид, что пострадала, а на самом-то деле счастлива! Все ей завидуют.

Вера Михайловна: 58 лет терпеть такого мужа! Ни одна ведьма не выдержит.

Борис Викторович: Но я-то! Несколько лет назад регистрируюсь на какой-то конференции, дама записывает адрес, телефон, возраст, еще что-то. Потом она перестала писать, посмотрела на меня, как на чудище, которое вынырнуло из моря, сделала стеклянные глаза – в них ужас – и говорит: "Как, у Вас все еще первая жена?!" (*Общий хохот.*) Такого ужаса и удивления я никогда еще не видел. Вот так.

Вера Михайловна: Терпеть такого мужа столько лет! Сдуреешь.

Борис Викторович: Так я уже сдурел. Видимо, полагалось мне другую жену завести, я просто не знал.

Вера Михайловна: Я чувствую, много вам придется вычеркивать...

Борис Викторович: Ну, давайте вернемся к нашим баранам, как говорится. Обе диссертации были посвящены ракетной технике. В ракетных двигателях иногда возникают очень мощные колебания процесса горения, от которых двигатель разрушается, взрывается и так далее. У меня диссертации – и кандидатская, и докторская – по процессам колебания горения в ракетном двигателе.

Я даже потом по этим мотивам написал толстую книжку, которая называется "Вибрационное горение". И с тех пор я этим горением не занимаюсь, потому что если я написал книжку, то мне уже больше это не интересно.

Но в свое время это была интересная область: нестационарные процессы горения, скажем так. Все привыкли, что горит равномерно, спокойно, а вот когда не спокойно, когда горение переходит в режим автоколебания и разносит двигатели, топки и так далее? Это меня интересовало. Довольно узкая тема, не общечеловеческая.

Бернгардт: А членом-корреспондентом?..

Борис Викторович: Членом-корреспондентом я стал неожиданно для себя. Наша организация не собиралась выдвигать меня в членкоры. Но другая организация – Отделение прикладной математики Академии наук – вдруг решила выдвинуть, хотя я у них не работал. Сейчас это институт имени Келдыша. Сообщили об этом на фирму, а фирма страшно переполошилась, что ее сотрудника выдвигает другая организация. Там не знали, что делать, подумали: "А вдруг действительно выберут?!" Тогда совсем глупо получается – выбрали сотрудника по рекомендации каких-то чудаков из Академии наук.

И было созвано сверхсрочное заседание Ученого совета. Собрался Совет с совершенно обалдевшим видом. Когда спросили зачем, им сказали: "Нужно срочно выдвинуть его, потому что он уже выдвинут". Один из членов Совета страшно возмутился, сказал, что вопрос не подготовлен, и воздержался от голосования. Так что (*смеется*) я прошел не единогласно, при одном воздержавшемся.

Но я этого ничего не знал, потому что в тот момент был в командировке в Лондоне. Я не принимал никакого участия в этом выдвижении, если не считать того, что заполнил анкету. Никому не звонил, за меня никто не хлопотал. Все считали, что это формальный номер.

Бернгардт: То есть, грубо говоря, Вас без Вас женили.

Борис Викторович: В какой-то степени была и моя вина, потому что я должен был подписать исходный документ. Я его подписал и уехал в Англию. И уже когда был в Лондоне, мне вдруг сообщил приехавший из Москвы человек, что меня выбрали в членкоры, и мы по этому поводу (*смеется*) "напились".

Примерно то же самое происходило, когда меня выбирали в академики. Кто выдвигал, я уже не помню. Опять не по делу. Фирма снова поддержала. Так, для порядку.

Там большинство избирается на 5, 6, 7-й раз. То есть надо, чтобы он сперва примелькался, а затем уж его избирают. А я – оба раза не только с ходу, но и в первый же день, при первом голосовании! Обычно же несколько дней идут голосования, рейтинги какие-то подсчитывают и так далее.

Бернгардт: Я слышал, что часто бывает так: борются два течения, те "режут" этих, а эти – тех, и в результате проходят нейтральные.

Борис Викторович: Я и есть нейтральный. За меня голосовали и те и другие. Я очень мирный человек. Во-первых, я никогда ни с кем не ссорился, во-вторых, не стремился занимать каких-то постов. Никому не мешал, ни у кого не стоял поперек дороги.

Я интуитивно – и это, наверное, правильно – считал, что надо держаться подальше от начальства. Меня посадили бы в свое время, если бы я рвался в начальство. А я был там "какой-то вшивый инженеришко", плевали они на меня. И я был очень рад, что им плевать. Они сажали друг друга, Костиков – Королева, еще что-то там происходило, а я... Кому я нужен? Пост, который я занимал, никому не был нужен.

И всю жизнь у меня так было. Я всегда старался занимать пост как можно более низкий. Если низкий пост, то невысоко падать. Это сверху валишься с грохотом. Все кругом бьется, стекла летят, а на кой черт мне это надо? Еще обрежешься об стекло. Так что я всю жизнь держался позиции – не занимать постов.

Иногда меня жизнь заставляла их занимать, но я был очень плохим начальником в смысле административном. Мне по этому поводу Королев как-то подробно объяснял, какой я (*улыбается*) болван: "Что ты, дурак, не можешь стукнуть кулаком?!" Все, что он обо мне думал, он выкладывал. Я с ним соглашался, он действительно был прав, я – не начальник. Но зачем мне это?

Есть люди, которые любят руководить. Вот жена моя. Она и сейчас мною руководит, потому что больше никого нет, мною и котом. А я никем не руковожу, даже котом. Только иногда поглажу его – и все.

Бернгардт: Но ведь технику по управлению полетами Вы разрабатывали!

Борис Викторович: Вынужден был, вынужден... Вынужден был иногда иметь подчиненных, но я старался их не иметь. Когда стали делать эту технику, нужно было все считать, делать чертежи, и я собрал у себя народ, но при первой возможности, скажу откровенно, я оттуда смылся. Нет, я не люблю быть начальником. Это точно, это экспериментальный факт, который все знают.

Я был плохой начальник, потому что никогда ни на кого не мог прикрикнуть. Если я говорю человеку: сделать то-то и то-то, а он не делает, сволочь такая, то на второй день я ему опять говорю: сделать то-то и то-то. И если он снова не делает, тогда на третий день я это делаю сам. Это самое плохое, что может сделать начальник.

Бернгардт: Но зато, наверное, подчиненные Вас любили?

Борис Викторович: Они ко мне очень хорошо относились.

Вера Михайловна: И до сих пор хорошо относятся. Вот, например, Юрий Михайлович Батурин. Он же его ученик. И потому, когда Борис Викторович уже умирал после операции, Батурин – он был тогда помощником у Ельцина – добился его перевода в "кремлевку".

Борис Викторович: Он тогда был секретарем Совета безопасности. Они сделали для меня все, что могли, и я им очень благодарен. Иначе бы я загнулся. Онкоцентр, куда я попал, был не тем местом, куда надо ложиться. В общем, я сам был виноват.

Вера Михайловна: Ему же предлагали разных специалистов, а он решил – в Онкологический центр: они там каждый день режут, ко всему привыкли, и потому проще всего туда. Вот там его и "зарезали".

Борис Викторович: Но не дорезали, понимаешь? В общем, это была веселая история.

Жизнь у меня весело прошла, и, я думаю, дальше будет еще веселее. Мы еще с женой придумаем что-нибудь такое, что даже Чеширский кот удивится.

Бернгардт: Вера Михайловна, это, видимо, к Вам вопрос. Когда подчиненные не справлялись, Борис Викторович, наверное, всю ответственность брал на себя? Шишки-то все ему доставались?

Вера Михайловна (смеется): Ему. Поэтому Королев говорил Галлаю: "Твой приятель-то! Я его ругаю, а он стоит, как Иисусик, и улыбается".

Борис Викторович: Да, он не мог меня пронять. Я слишком хорошо его знал до войны, и поэтому он ругает меня, за что-то отчитывает, а мне пле-е-вать. И он это видит. Все его боялись, а я не боялся. Потому что все – и докторскую степень, и профессора – я получил помимо него. Я ему ничем не был обязан. Другие были обязаны, а я – нет. Он это чувствовал, и потому у нас с ним отношения были взаимно уважительные. Он меня обычно не ругал, понимая, что это бессмысленно, что я не испугаюсь.

Он был прекрасный артист. Часто изображал гнев, делал вид, что очень сердится, – умел закатить глаза, замахать руками. Большинство людей после этого шло в сортир и меняло штаны, а мне на это было в высшей степени плевать, и он поэтому со мной такого не делал. Не оттого, что я такой хороший, а потому что хорошо его знал и мне было наплевать на свою карьеру у него.

Я и ушел потом из фирмы. Интересно было первые несколько лет. Когда стало скучно, я ушел. Первый пуск – это интересно, второй – интересно, десятый – там всегда что-то новое, а когда 129-й, 1328-й – да кому это нужно? Это не для меня, я всегда старался делать что-то для меня интересное. Пусть это будет пустяк, но чтобы было интересное, то есть новое. В качестве такого нового у меня пошло искусствознание.

Бернгардт: Вы, наверное, получали правительственные награды, когда были успешные запуски?

Борис Викторович: Понимаете, в чем дело: когда награды получают, для этого надо суесться, а я никогда не суесться. Мне было наплевать. Я получил Ленинскую премию в 1960 году, когда у Королева еще не работал, за фотографирование обратной стороны Луны. Был большой коллектив, и там я со своими двумя помощниками. Получил орден Ленина за полет Гагарина. Дали, ну и ладно. Потом дали орден Трудового Красного Знамени за сколько-то-летие Академии наук. Потом – Героя Соцтруда.

Вера Михайловна: Героя тебе Горбачев дал.

Борис Викторович: Это я помню, не помню только – за что? Впрочем, это не важно. С Горбачевым мы расстались лучшими друзьями. Даже теперь, когда с ним встречаемся, то улыбаемся, объясняемся в любви.

Что-то еще получал. Демидовскую премию, например. Демидовская премия – это не хухры-мухры. Это уральская премия. Когда-то Павел Николаевич Демидов завещал Академии наук большую сумму денег на премии за выдающиеся научные работы. Премия выдавалась до 1865 года, потом прекратилась и возобновилась только лет десять назад.

И я получил Демидовскую премию – в такой приятной малахитовой шкатулке большая медаль, но бумаги к ней не дали. Сказали, что у них нет красивых бланков, и эту красивую бумагу я получил только через несколько лет, на днях. Причем дали в рамочке и под стеклом. Я с трудом унес домой. Так что у меня сейчас и "кукумент" есть, и медаль. И не только медаль, но и копия медали! Медаль настольная, но она серебряная, и ее могут спереть "трудоющиеся". Поэтому имеется копия, ничего не стоящая. На стол кладется копия, а настоящая прячется в карман, на нее садисься. Как-то так мне объясняли, но я не очень понял.

Да, еще я почетный гражданин города Гагарина. Это Леонов устроил мне по благу.

Вера Михайловна: Ну почему по благу! Да сколько вас осталось из старой гвардии! Ты да Черток – и все. Две старые рухляди.

Борис Викторович: Да-а, это верно. Да, да, да... Я один из немногих, которые...

Вера Михайловна: Динозавр.

Борис Викторович: Я и Феоктистов.

Вера Михайловна: Феоктистов-то помоложе тебя.

Борис Викторович: Моложе, но он в МВТУ, не членкор, его никуда не приглашают, потому что он сейчас никакого отношения к космонавтике не имеет.

Меня приглашают – я езжу, но... Я не люблю куда-то ездить, хотя речи (*оживляется*) держу блестяще! Вера Михайловна всегда после моих речей в ужасе и целых два дня меня пилит: "Это ж надо таким дураком выглядеть на сцене! Нельзя ли было сказать об этом или промолчать о том?" В общем, идет "разбор полетов", такой, что от меня только перья летят во все стороны.

Вера Михайловна: Правильно, а кто формирует вас, мужиков?

Борис Викторович: Жены, жены...

Вера Михайловна: Был бы ты без меня академиком?

Борис Викторович: Конечно, не был. Это всем известно.

Вера Михайловна: За вами нужен глаз да глаз.

Борис Викторович: Это конечно.

Вера Михайловна: А была бы я другой – требовала бы от тебя норковых шуб, всякие драгоценности, еще чего-нибудь. Зарабатывал бы на это где-нибудь, а так занимался своим делом – и все.

Борис Викторович: Это верно, норковых шуб я ей никогда не покупал. Что я тебе купил, дорогая моя?

Вера Михайловна: Ничего.

Борис Викторович: Как ничего?! А дачу?

Вера Михайловна: С шапкой по кругу ходили.

Борис Викторович: Это неважно, что ты с шапкой ходила. Да, дача, конечно, ее работа, а не моя. Это она долго объясняла мне, что страшно надо ее покупать...

